

ЭКОНОМИКА РОССИИ И РЕГИОНОВ

УДК: 330.101
JEL: N00, P00, P40

**Мобилизационная экономика
как имманентная сущность российской цивилизации**

И.Н. Шапкин, д.э.н., профессор
<https://orcid.org/0000-0003-3060-9610>; SPIN-код (РИНЦ): 1478-6571
e-mail: ishapkin@fa.ru

Для цитирования

Шапкин И.Н. Мобилизационная экономика как имманентная сущность российской цивилизации // Проблемы рыночной экономики. – 2023. – № 2. – С. 25-37.

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-2-25-37>

Аннотация

Предмет/тема. В статье автор доказывает, что мобилизационная экономика является неотъемлемой сущностью российской цивилизации, сформировавшейся в условиях жестких ограничений, носивших объективный характер. **Методология.** При подготовке статьи автор применял общенаучные методы эмпирической группы (наблюдение, анализ и синтез, логические рассуждения), конкретно-научные методы (хронологический, историко-генетический). **Результаты.** В рамках научного исследования были решены следующие задачи: проанализированы факторы (природно-климатические, пространственные), оказавшие влияние на российскую цивилизацию; рассмотрена проблема традиционализма и инновационности; показаны причины доминирования государственных институтов и определены основные мобилизационные механизмы, использовавшиеся в историческом прошлом страны. **Выводы/значимость.** Доказано, что представления о мобилизационной экономике как временном отступлении от генерального пути не отражают сущность этого явления. Российская мобилизационная модель базируется на невозможности ведения расширенного воспроизводства. Она предполагает жесточайший режим экономии ресурсов, времени, усилий. Хозяйственная практика определяет социокультурные особенности, которые по прошествии времени превращаются в самостоятельный хозяйственный фактор. В этих условиях государство становится основным актором общественной жизни, вырабатывающим стратегию общественного развития и осуществляющим модернизационные преобразования. Реформы ведут к усилению «мобилизационности» в стране, т.е. к усилению государственного воздействия на социальные процессы. **Применение.** Результаты научного исследования могут быть использованы при формировании прогнозов и сценариев социально-экономического развития современной России.

Ключевые слова: мобилизационная экономика, мобилизационный тип российской цивилизации, «мобилизационность», природно-климатические факторы, традиции, новации, инновационность, солидарно-общинный тип, национальный менталитет, модернизация, реформы.

Mobilization economy as an immanent essence of Russian civilization

Igor N. Shapkin, Dr. of Sci. (Econ.), Professor
<https://orcid.org/0000-0003-3060-9610>; SPIN-code (RSCI): 1478-6571
e-mail: ishapkin@fa.ru

For citation

Shapkin I.N. Mobilization economy as an immanent essence of Russian civilization // Market economy problems. – 2023. – No. 2. – Pp. 25-37 (In Russian).

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-2-25-37>

Abstract

Subject/topic. In the article, the author proves that the mobilization economy is an integral essence of the Russian civilization, formed in conditions of severe restrictions that were objective in nature. **Methodology.** In preparing the article, the author used general scientific methods of the empirical group (observation, analysis and synthesis, logical reasoning), concrete scientific methods (chronological, historical and genetic). **Results.** Within the framework of the scientific research, the following tasks were solved: the factors (climatic, spatial) that influenced the Russian civilization; the problem of traditionalism and lack of innovation characteristic of Russia was considered; the reasons for the dominance of state institutions were shown and the main mobilization mechanisms used in the historical past of the country were determined. **Conclusions/significance.** It is proved that the ideas about the mobilization economy as a temporary departure from the general path do not reflect the essence of this phenomenon. The Russian mobilization model is based on the impossibility of conducting extended reproduction. It involves the most severe mode of saving resources, time, effort. Economic practice determines socio-cultural features, which over time turn into an independent economic factor. In these conditions, the state becomes the main actor of public life, developing a strategy for social development and implementing modernization transformations. The reforms lead to increased «mobilization» in the country, i.e. to increased state influence on social processes. **Application.** The results of scientific research can be used in the formation of forecasts and scenarios of socio-economic development of modern Russia.

Keywords: *mobilization economy, mobilization type of Russian civilization, «mobilization», natural and climatic factors, traditions, innovations, innovativeness, solidarity-community type, national mentality, modernization, reforms.*

Введение

Изменившаяся социально-экономическая ситуация в мире вновь актуализировала вопрос о сущности мобилизационной экономики, основных ее чертах и формах. Вопрос не новый для общественных наук. Однако до сего дня отсутствует единство в его понимании. Для одних исследователей мобилизационная экономика – это всего лишь чрезвычайная экономическая ситуация, требующая коренной перенастройки системы управления. «Мобилизационная экономика – это такое особое состояние странового хозяйствующего субъекта, которое отвечает решению, в первую очередь, внеэкономических задач, например, задач выживания страны и государства в условиях войны или масштабного стихийного бедствия... «Мобилизационность» экономика страны приобретает в условиях подготовки страны к затяжному военному конфликту или в рамках послевоенного восстановления разрушенного хозяйства» (Недосекин и Рейшахрит, 2015, с. 6). И далее: «Мобилизационной является экономика, ресурсы которой сосредоточены и используются для противодействия тому, что угрожает существованию страны как целостной системы» (Седов, 2009, с. 7). Для других – это

набор нестандартных решений и механизмов для быстрого и радикального решения стоящих перед обществом задач. «Развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, будем называть мобилизационным типом развития» (Фонотов, 1993, с. 88). Для третьих – «сущность мобилизационной модели экономики можно в самом общем и упрощенном виде определить как форсированное расширение прямых экономических функций государства, связанное с необходимостью концентрации в его руках основных видов ресурсов и факторов производства» (Зубков, 2009, с. 64). При всех отличиях данные определения фиксируют лишь отдельные сущностные черты этого неоднозначного явления.

Для нас мобилизационная экономика – это материальная первооснова российской цивилизации, это то, что зашито в её ткань и пронизывает все её составные элементы. Для российского варианта такой экономики характерно сочетание малопродуктивной и затратной экономической деятельности с этатистскими формами и методами управления для придания ей большей результативности. Этот тип экономики нельзя отождествлять с государственным вмешательством, «дирижизмом», как это нередко делается, поскольку это разноуровневые сущности. Мобилизационная модель базируется на принуждении, которое осуществляется государственной властью с разной степенью давления и силы на хозяйствующие субъекты для выполнения задач, являющихся в данный исторический период времени значимыми для общества и государства.

Относительно плавное и размеренное хозяйственное развитие чередуется усилением «мобилизационности», когда под влиянием разных обстоятельств общество вынужденно вступает в полосу реформирования и масштабных преобразований. Как это было, например, в «петровскую» эпоху или во время «сталинских пятилеток». То есть общество сосредотачивает кадровые, материальные, административные ресурсы на приоритетных направлениях для разрешения накопившихся проблем и выхода на новую траекторию развития. «Мобилизационность» – это период сверхнапряженной и активной деятельности, который после выполнения поставленных целей и задач сменяется освоением «отвоеванного плацдарма», каждодневной рутинной работой. Происходит своеобразный возврат, откат к привычному стилю и ритму жизни с учетом новых хозяйственных реалий.

Причины существования мобилизационной экономики в России имеют объективный и неустранимый характер. Ими являются климатические условия, среда обитания, пространственные условия жизнедеятельности общества. Эти первопричины определяют выбор модели хозяйственного развития, конкретной структуры хозяйства, а в конечном счете форму государственного устройства, социокультурные, национальные черты и особенности и т.д. Как справедливо отмечал академик Н.Н. Моисеев: «Различие географических и природных условий порождает различие цивилизаций... различие потенциальных возможностей их развития... и перспектив» (Моисеев, 1996, с. 29-30).

Россия формировалась как «северная» цивилизация, как преимущественно сельскохозяйственное общество, поэтому долговременные природно-климатические факторы оказывали и оказывают решающее влияние на процессы общественного производства. В конечном счете, место человека в обществе, его статус, права и обязанности, социально-политическая структура определялись отношениями, которые формировались в аграрном секторе экономики.

Природно-климатические и пространственные условия как важнейшие факторы формирования специфики российской цивилизации

Ядро российской цивилизации складывалось в климатической зоне, которая относится к континентальному типу отдаленного от Атлантического океана, Гольфстрима, теплого Средиземного моря. Она располагается на обширной равнине, открытой северным ветрам. К востоку от линии Венеция – Гамбург январская изотерма быстро падает. Вдоль Уральского хребта составляет -15° (Риккерт, 1911; Ливи, 2010)

Если в прибрежных странах Западной Европы отсутствует постоянный снежный покров, то в Европейской России снег лежит от 3 до 6-7 месяцев. Период сельскохозяйственных работ в России составляет 5-6 месяцев, а в Западной Европе – 8. Короткий сельскохозяйственный цикл

сказывается на развитии зернового и растениеводческого производств, на животноводстве. Скот нужно долгое время держать в стойлах, а на зиму запастись много кормов.

Для территории, на которой проходило зарождение и становление российской цивилизации, характерно влияние мощных атлантических циклонов с очень длительными осадками летом и оттепелями зимой, с суровыми зимами, ночными заморозками весной. Летом здесь жарко и не хватает влаги, а при избытке дождей недостаточно тепла. Количество осадков в Казани, например, вдвое меньше, чем в Париже. Теплый воздух Гольфстрима охлаждается по мере удаления от Атлантического побережья и продвижения в глубь материка¹. Поэтому Сибирь с ее потенциально неиспользуемым запасом пахотной земли по большей части остается непригодна для земледелия. Как отмечал В.Т. Рязанов, в России проживает 90% мирового населения, вынужденного существовать на неэффективных территориях (Рязанов, 1998, с. 320).

Не только суровый климат, но также низкое плодородие почвы, характерное для нечерноземных районов страны, являвшихся основой формирования русской цивилизации, негативно влияло на сельское хозяйство. Лучшими землями являлись серые почвы лесостепи и редкие участки бурых лесных почв. Для Центральной России преобладающим типом почв являются подзолистые, глинистые, болотистые или песчаные, скудно обеспеченные естественными питательными веществами. Но именно эти земли составляют основную долю сельскохозяйственных угодий. Почвенные условия позволяют вырастить небогатый набор злаков и плодов. В итоге традиционный пищевой рацион русских не отличается изобилием и разнообразием.

Климат и почвы резко ограничивали возможности зернового хозяйства, которое обеспечивало население необходимыми материальными благами, но не гарантировало прибавочного продукта. В Российской империи в XVIII – начале XIX вв. в районах с благоприятными природными условиями производство зерна не превышало сам-3, сам-4. Ниже этого уровня урожайность была характерна на Северо-Западе и в Центральном Нечерноземном районе – по сам-2,7. Наибольшая урожайность была в Прибалтике (сам-4,6) и Юго-Западном районе (сам-4,1). В Степной зоне урожайность достигала сам-3,7; Центральном Черноземном – сам-3,5; Северном – сам-3,4; в Поволжье и Левобережной Украине – сам-3,3 и в Западном районе – сам-3 (Дулов, 1979, с. 44).

В Англии и Голландии, т.е. в странах с наиболее развитым сельским хозяйством, начиная с XVII в., урожайность возрастала до сам-7 в XVI в., сам-9 во второй половине XVII в. и сам-10 во второй половине XVIII в. Во Франции, Италии и Испании урожайность с 1500 по 1800 г. держалась на уровне сам-7; неизменной и на более низком уровне (около сам-4) оставалась она на севере, в центре и востоке Европы (Ливи, 2010). Таким образом, аграрное производство здесь создавало условия для расширенного воспроизводства. Меньшинство населения могло прокормить большинство. Тем самым создавались предпосылки для перехода к новой фазе развития – индустриальному этапу.

Низкая урожайность зерновых культур, составлявших основу пищевого баланса России, сопровождалась исключительно высокими трудовыми затратами. Чтобы получить урожай, необходимый для жизнедеятельности хозяйства и семьи, крестьянин должен был работать «от

¹ Нередко климат России сравнивают с Канадой. Две северные страны, в которых довольно неплохо развито сельскохозяйственное производство. Современная Канада – страна с незначительным населением (24 млн. чел.). Климат обитаемой, индустриально развитой ее части примерно такой же, как в Ростовской области и Краснодарском крае, но более влажный. Меньший по площади, чем Евразия, Североамериканский материк не имеет резко континентального климата, что является важнейшим отличием от востока Европы (не говоря о Сибири). Зимы в Канаде суровы, но морозы нестойкие. Изобилие снежных осадков защищает землю от промерзания. В наиболее населенных прибрежных районах Канады значительно теплее, чем в Центральной России. Среднегодовая температура в Москве – +3,8°C, в Санкт-Петербурге – +4,3°C, в Ванкувере – +9,8°C (как в Вене, Одессе, Софии), в Монреале – +6,7°C. (как в Варшаве).

Даже в холодных районах Канады для сельского хозяйства условия более благоприятны, чем в Центральной России, из-за более высоких температур. Для растений имеет значение не только среднегодовая температура, но и сумма положительных температур, которая должна превышать +10°C. Это имеет значение для яровых культур, которые сеют весной, которым не надо зимовать под снегом. Эти показатели для аграрных районов Канады существенно лучше, чем в России (Паршев, 2003).

зари до зари». При этом задействовались все «трудовые ресурсы» семьи, в том числе старики и дети. Тяжелые сельскохозяйственные условия, перенапряжение и включение в работу всех членов семьи предопределили специфический уклад хозяйственной и повседневной жизни землевладельца.

В.О. Ключевский отмечал, что русскому человеку «природа отпускает мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться неожиданным ненастьем. Это заставляло великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и в пору убрать с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс, но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду» (Ключевский, 1993, с. 279).

Ни в Средневековье, ни в Новое время европейскому крестьянину не требовалось такого напряжения сил, как русскому земледельцу. Низкая урожайность вынуждала его очень экономно и рачительно относиться к результатам труда. Запас прочности такого хозяйства невелик. Как только происходил сбой, даже самый небольшой, общество погружалось в череду социально-политических потрясений. Яркий тому пример дает «Смутное время» (Шапкин, 2022).

Вплоть до XIX в. крестьянское хозяйство отличало невысокое развитие животноводства, от которого зависела урожайность зернового хозяйства, обеспечение продовольствием населения страны в целом, экспортные возможности страны. Состояние отрасли обуславливалось урожайностью трав и их пищевыми свойствами. Качество лугов и сенокосов было неодинаковым. Так, в Московской губернии с середины XIX в. считалось, что с десятины заливных лугов в среднем собирается от 100 до 200 пудов сена, с десятины болотистых лугов – 40-80, а с десятины полевых лугов – всего лишь 20-50 пудов (Дулов, 1983). Две трети территории нашей страны находится в холодном климатическом поясе. Это означает, что выход растительной биомассы с 1 га в России в 2 с лишним раза меньше, чем в Западной Европе, в 3 с лишним раза меньше, чем в США. Соответственно, затраты на единицу животноводства у нас выше. Ограниченные возможности кормовой базы резко сужали возможности его развития (Паршев, 2003, с. 37-42). Короткое теплое время, когда крестьянину требовалось запастись достаточным количеством кормов для скота на весь холодный сезон, ограничивалось в историческом центре России всего 20-30 сутками.

В предыдущие столетия скот отличался от современного. Он был меньше по размеру и имел меньшую продуктивность. В XVIII в. средний вес холмогорских быков (Северная Двина) составлял 549,3 кг, быков черкасского (серого степного) скота – 403,6 кг, а новгородских быков – всего 214,2 кг. Средний вес коровы в Костромской губернии составлял всего 112-128 кг, а корова, весившая 192 кг, считалась уже крупной. Лучшая холмогорская порода давала 1200-2000 л. молока в год, а сегодня в среднем от 4500-5000 до 6000 л. Хорошая курица приносила в год до 100 яиц, сегодня же – 270-300 (Дулов, 1983, с. 71, 73).

Сельское хозяйство, таким образом, оставалось высокозатратной и низкопродуктивной отраслью. И в этом состоит «объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах», – отмечал известный российский историк, академик Л.В. Милов. (Милов, 1998)

Противоречивое воздействие на сельскохозяйственное производство оказывали размеры страны. Значительные пустующие, незаселенные территории предоставляли идеальные условия для экстенсивного развития хозяйства. В период освоения Центральной и Северной России в XII-XIV вв. и позднее, в XVII-XVIII вв. освоения южных территорий Новороссии и Сибири – организация, формы и методы ведения земледелия на новых, вовлекаемых в оборот землях мало изменились. В хозяйственной практике воспроизводились традиционные навыки, опробованные формы и виды организации трудовой деятельности, прежние хозяйственные отношения. Привычка к экстенсивному и потребительскому отношению к природным ресурсам

порождала у русского народа недооценку нововведений, формировала своеобразные критерии оценки хозяйственной деятельности – количественные, а не качественные показатели.

Огромные пространства создавали большие транспортно-логистические трудности, осложняли экономическую деятельность, требовали значительно больших материальных и физических затрат, чем, например, в европейских странах². Разбросанность и труднодоступность многих населенных пунктов, большие расстояния влияли на размещение ремесла и промышленности, в том числе использовавших сельскохозяйственное сырье, вели к возрастанию транспортных издержек. К тому же важнейшие виды сырья, необходимые для развития тяжелой промышленности, находились в отдаленных районах с незначительной численностью населения: на Урале, Нижней Волге, в Сибири. Большие расстояния и несовершенные средства сообщения резко увеличивали стоимость сырья и не могли обеспечить эффективное хозяйствование.

Географический фактор влиял на развитие транспорта и торговли (Анучин, 1982). До появления железнодорожного транспорта, который делал человека более независимым от природной среды, реки являлись основными каналами, по которым осуществлялось перемещение людей и грузов. Покрытые льдом 4-5 месяцев в году, летом они часто мелели, что затрудняло плавание, препятствовало торговому обмену, контактам между людьми. В странах Западной Европы судоходство по крупным рекам было возможно почти круглый год. Отдаленность России от моря затрудняла торговлю с Западной Европой, переживавшую в XVI-XVIII вв. экономический подъем, замедляла и без того низкий хозяйственный рост страны³.

Разреженное пространство и, как следствие, низкая плотность населения, значительные свободные и незаселенные территории на долгие столетия делали сухопутное, шоссейное строительство высокочрезвычайно затратным делом. Отсутствие развитой дорожной сети самым негативным образом влияло на формирование всероссийского рынка.

Помимо постоянно действующих неблагоприятных факторов, на становление российской цивилизации оказывали воздействие природные катаклизмы, неурожай и голод, войны и т.д. Эти временные неблагоприятные факторы обрекали народ на постоянно полуголодное или периодически голодное существование. Все они самым негативным образом влияли на ход и характер общественного развития (Олейников, 2003).

Традиционализм. Отсутствие инновационности

Громадные неосвоенные и незаселенные территории создавали возможность для переселения и освоения новых мест, для постоянно воспроизводимого экстенсивного хозяйственного развития. Такая экономическая модель не допускала экспериментирования, новаторства, которые могли привести к непредсказуемым результатам. Отношение в обществе к экспериментам всегда было настороженным. Ставка делалась на проверенные временем приемы, методы и формы организации и ведения хозяйства (Шапкин, 2022). «Живи, как завещали предки» – в этом состояло жизненное кредо русского человека. В таких условиях переходить от традиционного к инновационному хозяйствованию, расширенному воспроизводству весьма затруднительно.

Как тогда, так и сегодня инновационность связана с внедрением в производственный процесс новых орудий труда, техник и технологий. Как правило, подобный набор новшеств

² Большая часть территории ввиду неблагоприятного климата непригодна для жизни, но именно там – в Сибири и на Крайнем Севере – сосредоточены природные запасы нашей страны. Это полезные ископаемые, водные и лесные ресурсы, составляющие национальное богатство. Доступ к ним сопряжен со значительными финансовыми, энергетическими, транспортными затратами, что отражается на цене добываемого сырья. Авиация – дорогостоящий вид транспорта, а железные дороги в безлюдных районах нерентабельны (Паршев, А.П. (2003).

³ Континентальность является характерной чертой Восточной Европы. В Восточной Европе есть точки поверхности, отстоящие от моря на 1 тыс. км; в Западной Европе самое большое расстояние до морского берега – 600 км. Моря, к которым выходили границы феодальной России, не очень удобны для встраивания в существовавшие торговые пути (Дулов, А.В. (1976), “Человек и природа на Руси в XIV-XVII вв.”, *Природа*, № 12, с. 92).

приходит извне. Он связан со знакомством традиционного общества с иностранным опытом и практиками. На протяжении последних столетий наиболее выдающихся успехов в хозяйственной жизни достигли западноевропейские страны. С XVI в. Западная Европа превратилась в технологического лидера в мире. Ее экономические, военные достижения обеспечила революция в научной, инженерной и образовательной сферах. Отношение России к Западному миру до Петра I отличалось осторожностью. И на это были причины. Любые попытки заимствования рассматривались обществом как покушение на социальные устои, как «латинство», как предательство и грех. Практически существовал запрет на контакты с Западом. В этих условиях сформировать к европейским новинкам интерес было сложно. Но он постепенно складывался, и в первую очередь у государства, которое для решения внутривосточных и внешнеполитических целей и задач должно было иметь обученную, вооруженную, экипированную по последнему слову военно-инженерной мысли современную армию, а также флот. А решение этих вопросов было невозможно без внедрения разнообразных новаций.

С конца XVIII в. интерес к новинкам в сфере сельского хозяйства и промышленности стали проявлять дворяне, получившие свободу от обязательной службы. Часть их осела в своих поместьях и стала создавать «образцовые сельские хозяйства», вовлекаться в промышленное производство. В первую очередь именно этой части общества были адресованы труды Вольного экономического общества, переводы экономической и технической литературы, издание научных и популярных журналов, публиковавших сведения о технических и технологических новинках. По мере развития промышленности, новых видов и отраслей хозяйства интерес к ним расширился.

Однако новации никак не касались крестьянства. Сельскохозяйственное производство оставалось неизменным на протяжении столетий. Крестьянство не имело знаний, опыта, потребностей к тому, чтобы менять отлаженное веками производство, отсутствовала мотивация к хозяйственным изменениям. Инновационные техники и технологии «спускались» в сельскохозяйственное производство сверху, внедрялись нередко через жесткое администрирование⁴. Расширение территории страны, освоение новых земель способствовали сохранению сложившихся хозяйственных практик, замедляли численность городского населения и работников, занятых в сфере промышленного производства, тормозили социальные процессы внутри «старых» регионов.

Наряду с постоянно действовавшими негативными факторами положение усугубляли временные, например, природные катаклизмы, войны, эпидемии и т.д. Все это способствовало формированию особого типа хозяйства, хозяйственного поведения, отношения человека к труду. Производственная деятельность определяла уклад жизни русского аграрного общества, поступки человека, его отношение к своему месту в окружающем мире, ценностные предпочтения. Неблагоприятные условия требовали от людей создания механизмов выживания и породили в конечном счете семейную, общинную, солидарную модель хозяйствования (Данилова, 1994). В семье рентабельность не имеет смысла. В отличие от западноевропейского рыночного хозяйства, семейное хозяйство производит продукт не для заработка или прибыли, а для потребления. «Рискованное земледелие требует больших трудовых затрат, значительного напряжения усилий и слаженности в работе, что обуславливает российский коллективизм (общинность) и необходимость сильной центральной власти. На солидарно-общинном принципе построена вся российская цивилизация» (Милов, 1992, 1995).

Хозяйственный уклад русской деревни можно охарактеризовать как мобилизационно-кризисный режим с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Это обстоятельство во многом объясняет то, что жизнь и быт земледельца были пронизаны стремлением к крайней экономии ресурсов и времени, что проявлялось в разнообразных формах: в строительстве жилища, обустройстве быта, в одежде, пище, психологии и т.д.

Суровый климат, особенности расселения русского народа, экономика, сложившийся хозяйственный уклад повлияли на формирование менталитета, национальный характер и

⁴ Ярким тому подтверждением являются «картофельные» бунты 1830-1840-х гг., сложности на первых порах с разведением сахарной свеклы.

господствующие ценности. Незаселенные территории формировали у русского народа, в отличие от европейцев, особый менталитет. Приспособившись к жизни на больших, неосвоенных территориях, русские стали обладателями огромных природных ресурсов, что не могло не сказаться на характере труда, на их мировосприятии. Богатство лесов, рек, разведанных впоследствии природных ископаемых сформировали такую черту характера, как расточительность, отсутствие бережного отношения к природе (Горичева, 1993; Монахова, 2011; Лурье, 1998).

Государство как важнейший субъект мобилизационной модели

Каким же образом Россия смогла не отстать значительно от Запада и сохраниться? Государство в условиях жестких ограничений взяло на себя функцию управления общественными процессами, разработку конкретных механизмов выживания и развития. Невысокая экономическая эффективность общественного производства, действие разрушительных, долговременных и привходящих факторов способствовали формированию всевластного, абсолютистского государства. Именно государство определяло стратегии хозяйственного развития, взяло на себя формирование всероссийского рынка. Под его жестким контролем проходило становление основных экономических институций.

Чтобы исполнить эту миссию, государство сосредоточивает в своих руках всю полноту власти, все материальные и людские ресурсы. Тем самым создаются предпосылки для складывания мобилизационных начал в экономике. Централизация властных функций, собственности в руках власти ограничивает или делает невозможным появления других игроков на общественном поле.

Помимо этого, государство брало на себя «страховую» функцию, создавало своеобразную социальную «подушку безопасности», накапливало стратегические резервы продовольствия и других ресурсов на случаи войны и различных чрезвычайных ситуаций, тем самым происходила концентрация материальных, людских средств и ресурсов в руках государства. Чрезвычайные условия являлись питательной средой для перехода к мобилизационным принципам организации хозяйства.

Включение мобилизационных механизмов происходило под влиянием агрессивного геополитического окружения, постоянно создававшего угрозу российской цивилизации. Мобилизационный тип развития, который предполагал обращение к чрезвычайным мерам, наиболее адекватно был приспособлен для противостояния с враждебной внешней средой, для преодоления экономического и военного отставания от потенциального и реального агрессора. В ранний период российской истории незащищенность, постоянная внешняя угроза вынуждали общество тратить значительные усилия и средства на обеспечение безопасности. Эту функцию взяло на себя государство, которое персонифицировалось с властью великого князя, а позже царя. По подсчетам отечественных историков, только в XIII-XV вв. Русь подверглась более 160 раз вражеским нападениям (Мавродин, 1951, с. 127). Постоянная угроза вторжений заставляла Московскую Русь, Россию содержать многочисленную армию, расходовать значительные средства на оборону, а людей объединяться вокруг центральной власти. В отличие от русской цивилизации, Западная Европа была ограждена естественными преградами от набегов и порабощения кочевыми народами. На протяжении долгого времени ее защиту вольно или невольно выполняло русское государство, принимавшее первый удар кочевников.

«В условиях осажденной крепости» вся полнота власти концентрировалась в руках государства. Государственное устройство отличалось всевластием верховной власти, жесткой централизацией управления, которая позволяла в короткие сроки за счет мобилизационных мероприятий решать сложные экономические и социально-политические задачи. Решая общественные задачи, государство использовало меры принуждения, контроля и регламентации с разной степенью результативности. На эту сторону русского государства обращал внимание еще П.Я. Чаадаев. «Наши государи, – писал он, – ... почти всегда вели нас за руку, ... почти всегда тащили страну на буксире, почти без всякого участия самой страны» (Чаадаев, 1991, с. 525).

Помимо насильственных мер, большое значение государством придавалось идеологическому сопровождению своих действий. Неэкономический фактор (идеологическая

борьба, «враждебное окружение», «внутренние враги» и т.д.) наиболее полно был реализован в эпоху социалистических преобразований в СССР в 1920-1950-е гг.

Угрозы. Мобилизационные механизмы

Во все исторические эпохи экономика России оставалась мобилизационной. Государство, понимая ее ограниченные возможности, пыталось вырваться из тисков нужды и лишений, ответить на стоящие перед страной угрозы за счет реформ и модернизационных проектов. Мобилизационный тип экономики не исключал реформ. Под влиянием внешних вызовов и внутренних неблагоприятных обстоятельств происходило усиление мобилизационных действий и мероприятий, осуществлялось точечное или полномасштабное реформирование социальной жизни.

Мобилизационные механизмы присущи преимущественно т.н. неорганической модели модернизации. Если под органической модернизацией понимаются изменения, подготовленные предшествующим ходом развития страны, то неорганическая модернизация – это, как правило, ответ на внешние вызовы. Такая модернизация не имеет достаточных внутренних предпосылок, а предпринимаемые властью меры, направлены на преодоление отставания народного хозяйства или отдельных его отраслей. Неорганическая модернизация осуществляется в исторически короткие сроки с использованием радикальных, нередко довольно жестких средств, с применением мобилизационных инструментов и методов, с использованием чрезвычайных мер для достижения поставленных целей. (Красильщиков и др., 1994; Ахизер и др., 1994; Алексеев и Побережников, 2000).

В течение нескольких веков Россия находилась (и продолжает находиться) в постоянном поиске адекватной экономической модели, в режиме осуществляемой «сверху» неорганической модернизации. В наиболее жесткой форме подобная практика наблюдалась в петровскую эпоху, когда масштабные внутренние преобразования, без которых было невозможно сохранить суверенитет страны, проводить эффективную внешнюю политику, сопровождались использованием репрессивных и принудительных средств (Алексеев и др., 2000).

Если до Петра I представители русского правящего класса искали собственный путь, то с XVIII в. и в последующие десятилетия власть, активно используя европейские новшества, пыталась нащупать собственное направление развития. Западная экономическая модель, окончательно оформившаяся к середине XIX в., доказала свое преимущество во время Крымской «кампании». Поражение в войне поставило государство перед необходимостью проведения всесторонней модернизации с привлечением практического опыта и теоретических знаний, накопленных в Европе, порой весьма некритично. Модернизация второй половины XIX в. осуществлялась либеральными методами, в отличие от прошлых экспериментов.

Реформы С.Ю. Витте – это пример «точечного» реформирования имперской модели. Они продемонстрировали ее способность к развитию. Оставаясь «государственником», он пытался сохранить прежнюю хозяйственную систему, дополнив ее либеральными институтами и формами. Реформы оказались весьма эффективными. Но аграрный вопрос не был решен.

Его решение взял на себя П.А. Столыпин. Предложенные им преобразования носили революционный характер. Слом общинной жизни, установление частной собственности в деревне вызвали мощное сопротивление большинства крестьянства, поскольку эти реформы не учитывали особенности социокультурного прошлого и сложившихся реалий. Как показала дальнейшая российская история, нерешенность именно аграрного вопроса привела к драматичным событиям 1917 г.

Любое реформирование порождает конфликтность, поскольку за каждой стороной конфликта стоят люди с конкретными интересами и целями. От их удовлетворения и решения зависит будущее положение противоборствующих сторон. «Эпоха реформ» – это время обострения старых противоречий и складывания новых конфликтных ситуаций, присущих этому времени, новой эпохе (Пантин, 1996).

Пришедшие к власти в стране после октября 1917 г. «западники» леворадикального толка, приступив к построению нового общества с помощью силы и мощи государства, сосредоточившего в своих руках материальные, людские ресурсы страны, начали проводить в жизнь полномасштабную мобилизацию, решавшую те же хозяйственные задачи, что и их

предшественники, но более последовательно и настойчиво, не ограничивая себя в выборе средств и методов для достижения поставленных целей и задач. В 1922-1953 гг. произошел мощнейший рывок, который потребовал масштабных внутренних реформ в интересах безопасности государства и привел к возникновению новой геополитической ситуации и возрождению имперской России в новой форме – в форме СССР. Советская экономика развивалась в экстремальном режиме не только из-за особенностей идеологии, но и из-за постоянной военной угрозы. Модернизация страны осуществлялась по мобилизационному сценарию.

Хозяйственные достижения СССР в предвоенные и послевоенные годы были обусловлены тем, что они соответствовали передовому технологическому укладу того времени, который предполагал использование больших трудовых, материально-технологических и пр. ресурсов для решения социально значимых задач. Их концентрация на определяющих направлениях в сочетании с государственной собственностью способствовала осуществлению ускоренного варианта модернизации, усилению государственного присутствия в экономике.

Экономические преобразования были дополнены глубокими масштабными изменениями в общественной жизни. Важнейшим элементом формирующейся социальной системы являлась идеология, которая отражала текущие и перспективные общественные запросы.

Советская мобилизационная экономика выполняла не только экономические, военно-стратегические, но и политико-идеологические цели. СССР стремился убедить мир, что он предлагает новую общественную модель, основанную на началах «социальной справедливости», стремящуюся к улучшению материального благосостояния народа и заботившуюся о духовном развитии всех членов общества и т.п.

Экономика советского государства не строилась на рыночных началах. С первых дней она развивалась на этатистских принципах, задумывалась и создавалась как единый народнохозяйственный комплекс. Эффективно функционировать она могла даже при обособлении от внешних рынков.

Для СССР понятия эффективность, рентабельность производства были наполнены иным содержанием, чем для стран с рыночной экономикой. В условиях мобилизационной экономики стремились не к экономической эффективности, а к выживанию. «Производство в СССР было эффективным, если под эффективностью понимать не прибыльность, а соотношение затрат и результата. Даже в сельском хозяйстве, которое считалось самым отсталым в советской экономике, при количестве тракторов на 1 тыс. га пашни в 10 раз меньшем, чем у фермеров Запада, себестоимость тонны зерна была в 3-4 раза ниже» (Антонов, 2005, с. 23).

В советское время этатизм подкреплялся набором социальных прав и гарантий, государственным патернализмом, обеспечивавшим общество необходимыми материальными благами, водой, теплом, газом, электроэнергией для жизни в неблагоприятных условиях. «Эта система была спроектирована и построена в советское время применительно к суровым условиям России и сложившимся в ней за тысячелетия культурным нормам как система общего (даже общинного) пользования» (Кара-Мурза и Телегин, 2004, с. 23).

Созданная в СССР хозяйственная модель, мобилизационная по своей сути, отличалась высокой конкурентоспособностью. Она доказала свою эффективность на полях Великой Отечественной войны, в тяжелейшие годы послевоенного восстановления народного хозяйства, в период противостояния с более сильным врагом в годы «холодной войны». СССР закончила начатую имперской Россией промышленную модернизацию и подготовила страну к переходу к постиндустриальному развитию. Успехи советской модели стали привлекательными для целого ряда государств в различных регионах мира.

Таким образом, как показывает история российских реформ последних столетий, все они осуществляются методами и средствами «мобилизационного» характера, что приводит в конечном счете к усилению государственного присутствия в социальной жизни страны.

Выводы

Россия представляет собой «северную» внутриконтинентальную цивилизацию, располагающуюся на значительной территории. Огромная территория с многообразием климатических зон, по преимуществу холодных и малозаселенных, обрекает общество на

огромные усилия, на борьбу за выживание и самосохранение. Природа, среда обитания человека предопределили мобилизационную модель развития российского общества.

Высокие трудовые, материальные, финансовые затраты замедляют хозяйственное развитие страны, создают различные трудности для ее существования. В этих условиях функцию обеспечения безопасности и сохранения общества берет на себя государство. Государство вырабатывает стратегию общественного развития, осуществляет посредством принудительных форм и методов мобилизацию имеющихся природных и людских ресурсов для ее реализации. Господство неэкономических факторов являлось важнейшей особенностью отечественной экономики на всех этапах ее исторического развития. В отдельные периоды, например советский, они даже преобладали.

Социокультурные особенности русского народа как системообразующей нации нашего государства (этатистские установки, коллективистские устремления, общинно-солидарные настроения, негативное отношение к частной собственности, к богатству вообще и т.д.) складывались в результате формирующей практики, которая, в свою очередь, оказывала непосредственное влияние на хозяйственные процессы в стране. Конечно, со временем эти черты претерпевали изменения, но в целом они остаются неизменными.

Трудно не согласиться с мнением О.В. Гаман-Голутвиной, что «хронический дефицит ресурсов сказывался на развитии экономики, науки, образования и культуры, обрекая страну на отставание от Европы. Но именно с европейскими странами мы были вынуждены конкурировать, чтобы не стать их жертвой. Сочетание неблагоприятных демографических и природно-климатических условий, постоянная внешняя угроза при дефиците ресурсов развития (времени, финансов) вызывало противоречие между задачами государства (условия выживания) и возможностями населения по их решению. Способом разрешения этого противоречия стала мобилизационная схема использования ресурсов, которая явилась основой формирования мобилизационного типа развития. Именно тип развития являлся ключевым фактором, определившим специфику организации власти и политической организации общества в целом» (Гаман-Голутвина, 2006, с. 31-33).

Таким образом, мобилизационная экономика – это не эпизод, не частный случай, вызванный какими-либо причинами и обстоятельствами, а это суть русской цивилизации, которая существовала и по-прежнему развивается как мобилизационный вариант.

Литература / References

1. Алексеев, В.В. и Побережников, И.В. (2000), “Школа модернизации: эволюция теоретических основ”, *Уральский исторический вестник. (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений)*, № 5-6, с. 8-49, Издательство «Академкнига», Екатеринбург, 444 с. [Alekseev, V.V. and Poberezhnikov, I.V. (2000), “Schools of modernization: evolution of theoretical foundations”, *Ural Historical Bulletin. (Modernization: Factors, development models, consequences of changes)*, no. 5-6, pp. 8-49, «Akademkniga» Publishing House, Yekaterinburg, 444 p.].

2. Алексеев, В.В. и др. (2000), *Опыт исторических модернизаций. XVIII-XX: Монография*, Наука, М., 246 с. [Alekseev, V.V. et al. (2000), *The experience of historical modernization. XVIII-XX: Monograph*, The science, М., 246 p.].

3. Анучин, В.А. (1982), *Географический фактор в развитии общества*, Мысль, М., 334 с. [Anuchin, V.A. (1982), *Geographical factor in the development of society*, Thought, М., 334 p.].

4. Антонов, М.Ф. (2005), *Капитализму в России не бывать! Выход есть!*, Яуза: Эксмо, М., 669 с. [Antonov, M.F. (2005), *Capitalism will not happen in Russia! There is a way out!*, Yauza: Eksmo, М., 669 p.].

5. Ахиезер, А.С., Козлова, Н.Н., Матвеева, С.Я. и др. (1994), *Модернизация в России и конфликт ценностей*, ИФРАН, М., 250 с. [Akhiezer, A.S., Kozlova, N.N., Matveeva, S.Ya. et al. (1994), *Modernization in Russia and the conflict of values*, IFRAN, М., 250 p.].

6. Гаман-Голутвина, О.В. (2006), *Политические элиты России: Вехи исторической эволюции*, РОССПЭН, М., 446 с. [Gaman-Golutvina, O.V. (2006), *Political elites of Russia: Milestones of historical evolution*, ROSSPEN, М., 446 p.].

7. Горичева, Л.Г. (1993), “Экономические проблемы и национальное самосознание”, *Вопросы экономики*, № 8, с. 44-53. [Goryacheva, L.G. (1993), “Economic problems and national identity”, *Questions of Economics*, no. 8, pp. 44-53].

8. Данилова, Л.В. (1994), *Сельская община в средневековой Руси*, Наука, М., 316 с. [Danilova, L.V. (1994), *Rural community in medieval Russia*, The science, M., 316 p.]

9. Дулов, А.В. (1983), *Географическая среда и история России, конец XV – середина XIX в.*, Наука, М., 255 с. [Dulov, A.V. (1983), *Geographical environment and History of Russia, late XV – mid XIX century*, Nauka, M., 255 p.]

10. Дулов, А.В. (1979), “Природные условия и развитие производительных сил России в XVIII – середине XIX века”, *Вопросы истории*, № 1, с. 38-53. [Dulov, A.V. (1979), “Natural conditions and the development of Russia’s productive forces in the XVIII – mid-XIX century”, *Questions of History*, no. 1, pp. 38-53].

11. Зубков, К.И. (2009), “Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ”, *Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века*, Сборник материалов всероссийской научной конференции, Челябинск, 28-29 ноября 2009 г., под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова, ООО «Энциклопедия», Челябинск, с. 64-71. [Zubkov, K.I. (2009), “The phenomenon of mobilization economy: historical and sociological analysis”, *The Mobilization model of the economy: the Historical experience of Russia of the twentieth century*, Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference, Chelyabinsk, November 28-29 2009, edited by G.A. Goncharov, S.A. Bakanov, LLC «Encyclopedia», Chelyabinsk, pp. 64-71].

12. Кара-Мурза, С.Г. и Телегин, С.А. (2004), *Царь-Холод: почему вымерзают русские*, Эксмо: Алгоритм, М., 379 с. [Kara-Murza, S.G. and Telegin, S.A. (2004), *Tsar-Kholod: why are Russians freezing out*, Eksmo: Algorithm, M., 379 p.]

13. Красильщиков, В.А., Гутник, В.П., Кузнецов, В.И., Белоусов, А.Р. и др. (1994), *Модернизация: зарубежный опыт и Россия*, Агентство «Инфомарт», М., 115 с. [Krasilshchikov, V.A., Gutnik, V.P., Kuznetsov, V.I., Belousov, A.R. et al. (1994), *Modernization: foreign experience and Russia*, Infomart Agency, M., 115 p.]

14. Ключевский, В.О. (1993), *Русская история: полный курс лекций в трех книгах*, Кн. 1, Мысль, М., 572 с. [Klyuchevsky, V.O. (1993), *Russian history: a complete course of lectures in three books*, Book 1, Thought, M., 572 p.]

15. Ливи, Баччи Массимо (2010), *Демографическая история Европы*, «Александрия», М., 298 с. [Livi, Vacci Massimo (2010), *Demographic history of Europe*, «Alexandria», M., 298 p.]

16. Лурье, С.В. (1998), “Восприятие народом осваиваемой территории”, *Общественные науки и современность*, № 5, с. 61-74. [Lurie, S.V. (1998), “People’s perception of the developed territory”, *Social Sciences and Modernity*, no. 5, pp. 61-74].

17. Мавродин, В.В. (1951), *Образование единого Русского государства*, Изд-во Ленингр. Гос. Ун-та им. А.А. Жданова, Л., 328 с. [Mavrodin, V.V. (1951), *Formation of a unified Russian state*, Publishing House of the Leningr. State University named after A.A. Zhdanov, L., 328 p.]

18. Милов, Л.В. (1998), *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*, РОССПЭН, М., 572 с. [Milov, L.V. (1998), *The Great Russian plowman and the peculiarities of the Russian historical process*, ROSSPEN, M., 572 p.]

19. Милов, Л.В. (1992), “Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса”, *Вопросы истории*, № 4-5, с. 37-56. [Milov, L.V. (1992), “Natural-climatic factor and features of the Russian historical process”, *Questions of history*, no. 4-5, pp. 37-56].

20. Милов, Л.В. (1995), “Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства”, *Общественные науки и современность*, № 1, с. 76-87. [Milov, L.V. (1995), “The natural and climatic factor and the mentality of the Russian peasantry”, *Social sciences and modernity*, no. 1, pp. 76-87].

21. Моисеев, Н.Н. (1996), *Агония России. Есть ли у нее будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора*, ЭКОПРЕСС-«ЗМ», М., 78 с. [Moiseev, N.N. (1996), *Agony of Russia: does it have a future? An attempt at a systematic analysis of the problem of choice*, ECOPRESS-«ZM», M., 78 p.]

22. Монахова, И.Р. (2011), “Российский менталитет в свете глобальных вызовов – вечных и современных”, *Век глобализации*, № 2 (8), с. 150-162. [Monakhova, I.R. (2011), “Russian mentality in the light of global challenges – eternal and modern”, *Century of globalization*, no. 2 (8), pp. 150-162].

23. Недосекин, А.О. и Рейшахрит, Е.И. (2015), *Мобилизационная экономика по-русски*, Изд-во Политехн. Университета, СПб., 124 с. [Nedosekin, A.O. and Reishakhrit, E.I. (2015), *Mobilization economy in Russian*, Publishing House of the Polytechnic University, St. Petersburg, 124 p.].

24. Олейников, Ю.В. (2003), *Природный фактор бытия российского социума*, ИФРАН, М., 256 с. [Oleynikov, Yu.V. (2003), *The natural factor of being of the Russian society*, IFRAN, M., 256 p.].

25. Пантин, В.И. (1996), *Циклы и ритмы истории*, Аракс, Рязань, 157 с. [Pantin, V.I. (1996), *Cycles and rhythms of history*, Araks, Ryazan, 157 p.].

26. Паршев, А.П. (2003), *Почему Россия не Америка*, АЛГОРИТМ, М., 232 с. [Parshev, A.P. (2003), *Why Russia is not America*, ALGORITHM, M., 232 p.].

27. Риккерт, Г. (1911), *Науки о природе и науки о культуре*, Образование, СПб, 196 с. [Rikkert, G. (1911), *Natural sciences and cultural sciences*, Education, St. Petersburg, 196 p.].

28. Рязанов, В.Т. (1998), *Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв.*, Наука, Санкт-Петербург, 796 с. [Ryazanov, V.T. (1998), *Economic development of Russia. Reforms and the Russian economy in the XIX-XX centuries*, Nauka, St. Petersburg, 796 p.].

29. Седов, В.В. (2009), “Мобилизационная экономика: от практики к теории”, *Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века*, Сборник материалов всероссийской научной конференции, Челябинск, 28-29 ноября 2009 г., под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова, ООО «Энциклопедия», Челябинск, с. 7-9. [Sedov, V.V. (2009), “Mobilization economy: from practice to theory”, *The Mobilization model of the economy: the Historical experience of Russia of the twentieth century*, Collection of materials of the All-Russian scientific Conference, Chelyabinsk, November 28-29 2009, edited by G.A. Goncharov, S.A. Bakanov, LLC «Encyclopedia», Chelyabinsk, pp. 7-9].

30. Фонов, А.Г. (1993), *Россия: от мобилизационного общества к инновационному*, Наука, М., 271 с. [Fonotov, A.G. (1993), *Russia: from Mobilization Society to Innovation Society*, The science, M., 271 p.].

31. Чаадаев, П.Я. (1991), *Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2-х томах*, Том 1, Наука, М., 798 с. [Chaadaev, P.Ya. (1991), *Complete works and selected letters: in 2 volumes*, Volume 1, Nauka, M., 798 p.].

32. Шапкин, И.Н. (2022), “Инновации и новаторство в России. Что не понял или не захотел понять американский «историк науки»”, *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки*, т. 4, № 2, с. 104-116. [Shapkin, I.N. (2022), “Innovation and innovation in Russia. What the American «historian of science» did not understand or did not want to understand”, *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, vol. 4, no. 2, pp. 104-116].

Об авторе

Шапкин Игорь Николаевич, доктор экономических наук, профессор, руководитель отделения истории Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ, Москва.

About author

Igor N. Shapkin, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Head of the History Department of the Humanities Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.